

Мастер семейного детектива

СЬЮЗЕН
ЛЬЮИС

Горечь моей надежды

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Л91

Susan Lewis
NO CHILD OF MINE

Copyright © Susan Lewis, 2012.

First published as No Child of Mine by Century, an imprint of Cornerstone Publishing, a Penguin Random House Company.

The Author has asserted her right to be identified as the author of the Work.

Фото автора © Photograph by Colin Thomas

Перевод с английского А. Бушуевой

Художественное оформление С. Прохоровой

Льюис, Сьюзен.

Л91   Горечь моей надежды / Сьюзен Льюис ; [пер. с англ. А. Бушуевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Сьюзен Льюис. Мастер семейного детектива).

ISBN 978-5-699-91003-8

Алекс Лейк обожает свою работу, ведь ее обязанность — заботиться о людях, которые оказались в трудной ситуации. Но когда под ее опеку попадает трехлетняя Отилия, жизнь Алекса превращается в кошмар. Она одержима идеей, что ребенку грозит опасность, однако ей никто не верит, и даже друзья принимают ее рассказ за вымысел.

Алекс решает во что бы то ни стало спасти ребенка. Но так ли хороша ее затея?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91003-8

© Бушуева А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

— Привет! А ты кто?

Карие глаза, не мигая, смотрели на Алекс Лейк.

«Словно фарфоровая куколка», — подумала Алекс, наклонившись над качелями, на которых в полном одиночестве сидела девочка. Малышка как будто сошла с полотна художника-импрессиониста: на кремовых щеках розочки румянца, ангельское личико в обрамлении темного облака веселых кудряшек, торчащих во все стороны. «Такая маленькая и хрупкая, почти неземная, и при этом — само совершенство. Сколько же ей лет? — подумала Алекс. — Три года? Четыре? Скорее всего, три».

— Как тебя зовут? — с приветливой улыбкой спросила она.

Девочка не ответила, продолжая смотреть ей прямо в глаза. Кулачки сжимали цепи качелей. Ноги болтались над землей — они были слишком коротки и не позволяли раскачиваться, отталкиваясь от земли. Поблизости же не было видно никого, кто мог бы подтолкнуть качели.

Было в этой малышке что-то гипнотическое. Алекс была готова поклясться, что почувствовала это *что-то* даже раньше, чем увидела девочку. Таинственный маленький гипнотизер отвлек внимание Алекс от родных детей, с которыми она гуляла в парке, — племянника и племянницы. Сейчас они были всего в нескольких шагах от нее, с веселым визгом съезжали с горки прямо в объятия своей матери, сестры Алекс.

— Мое имя — Александра, — сказала она маленькой девочке, — но обычно все зовут меня просто Алекс.

Девочка лишь моргнула в ответ. Алекс улыбнулась ее замедленной реакции. Сердце предательски дрогнуло: такие тоненькие синеватые полоски на веках ребенка, такой изящный изгиб пушистых ресниц.

Мать или няня девочки, должно быть, вон там, среди группы женщин, которые сидят на траве неподалеку от них. И как только она заметит, что с ее ребенком разговаривает незнакомка, то непременно бросится к качелям, подавляя панику и ругая себя за то, что пусть даже всего на миг, но выпустила малышку из поля зрения.

Часто всего лишь одно мгновение и бывает роковым.

— Боюсь, что она у нас стеснительная. Побаивается вас.

Алекс подняла голову и увидела перед собой мужчину. Незнакомец улыбался ей — среднего роста, в желтой рубашке поло и брюках цвета хаки с коричневым ремнем ниже внушительного брюшка. Поскольку он стоял спиной к солнцу, Алекс не разглядела его лица. Выпрямившись в полный рост, она присмотрелась получше: волосы причесаны аккуратно, а в довольно дружелюбных глазах застыла настороженность. «Впрочем, это вполне естественная реакция любого родителя, обнаружившего, что его ребенок разговаривает с посторонним человеком», — подумала она.

— А еще она у вас прехорошенькая, — сказала Алекс. Интересно, откуда он мог появиться? Она не заметила его раньше, да и людей поблизости было не слишком много, чтобы среди них затеряться. Приглядевшись, Алекс заметила женщину, сидевшую в нескольких шагах от нее на расстеленном одеяле. Опираясь руками о траву, женщина загорала, подставив лицо солнцу.

«Наверное, мать», — решила Алекс.

— Пойдем! — сказал девочке мужчина и, сняв с качелей, поставил ее на землю. Игрушка — медвежонок Паддингтон, в сапожках, но без шляпы, — упала на землю. Девочка быстро подхватила ее и, не поднимая головы, сунула медвежонок себе под мышку. Алекс посмотрела на

кудряшки, и в следующий миг глубоко внутри у нее как будто что-то шевельнулось. Возникло желание схватить малышку на руки, потискать, пощекотать, рассмешить — как она делала с детьми своей сестры. Увы, в ней также проснулось смутное беспокойство, которое ей совсем не понравилось.

С этим ребенком явно было что-то не так.

Между тем мужчина взял девочку за руку. Крохотная детская ручка исчезла в его сжатой ладони, словно драгоценный камень в раковине, которая тотчас обволокла его и наглухо захлопнула створки.

Улыбка мужчины была приятной и жизнерадостной.

— Кажется, ей пора домой, — сообщил он.

С этими словами он повернулся и повел девочку за собой.

Алекс осталась стоять, глядя им вслед, ожидая, что они остановятся рядом с сидевшей на одеяле женщиной. Но нет, они равнодушно прошли мимо. Сделав несколько шагов, девочка оглянулась, и Алекс машинально помахала ей рукой.

Работа в органах опеки имеет свои издержки. Так, например, Алекс была склонна видеть в невинных поступках преступления, которых никто не совершал. Или все же совершал?

— Стыдись! — в шутку сказала ее сестра Габи, подойдя сзади.

Алекс растерянно посмотрела на нее.

— Чтобы подцепить чувака, хочешь подружиться с его ребенком, — шутливо пояснила Габи, слегка подтолкнув ее локтем.

Алекс ответила ей слабой улыбкой. Несмотря на все претензии сестры на утонченный вкус, шик и гламур, юмор Габи частенько бывал на грани фола. Алекс снова посмотрела вслед мужчине с ребенком — те уже почти дошли до ворот парка. Что, если она стала свидетельницей похищения? Нет, вряд ли. Девочка сама дала ему руку, он даже не просил ее об этом. Значит, она его знает.

В противном случае родные — мать или отец — уже наверняка подняли бы крик на весь парк.

И все же Алекс почему-то показалось, будто девочка и этот мужчина — чужие друг другу.

— Опять у тебя это странное выражение лица, — заметила Габи.

— Какое же?

Габи закатила глаза.

— Не каждый мужчина, которого ты встречаешь в парке, — педофил, — напомнила она. — И если хочешь знать мое мнение, *этот* выглядел вполне прилично. Я бы даже сказала, он очень симпатичный.

Ее слова удивили Алекс.

— Ты действительно так думаешь? — переспросила Алекс. Лично она не узрела в незнакомце ничего «симпатичного».

Габи пожала плечами.

— Наверное, я плохо его рассмотрела. А еще он маловат ростом, хотя и выше тебя.

— Это запросто, — улыбнулась Алекс. При своем среднем росте она была на полголовы ниже сестры. А еще у нее, в отличие от Габи, были пепельные волосы, зеленые глаза и хрупкое тело, о котором отец всегда говорил, что оно слишком мало, чтобы вмещать такое огромное количество энергии или такое большое сердце.

— Не говоря уже о невыносимом характере, — обычно язвительно замечала мать, правда, позднее, в то время, когда Алекс была подростком.

Сейчас Алекс — двадцать восемь, Габи — тридцать три. У сестры черные, как смоль, волосы и светло-карие глаза. Правда, ее жизнерадостная улыбка в последнее время слегка потускнела. Все-таки иметь двух детей — нелегкое испытание. Габи во многом напоминала свою мать — хочется надеяться, что такая сомнительная судьба обойдет Алекс стороной. Ей также никогда не стать похожей на отца, хотя бы потому, что в отличие от Габи она была не родной, а приемной дочерью.

Обоих ее приемных родителей уже не было в живых. Отец умер два года назад от рака, а через десять месяцев после его смерти мать скончалась от инфаркта. Алекс до сих пор скучала по ним, особенно по отцу, правда, не так сильно, как ее сводная сестра.

— Ладно, пойдем лучше за нашими негодниками, — произнесла Габи.

Шагая к лабиринту горок на детской площадке, где, как обезьянки, скакали и кувыркались Фиби и Джексон, Алекс обернулась и посмотрела туда, куда ушли незнакомец и девочка. Как и следовало ожидать, они уже растворились в людской массе за воротами парка. И все же ей странным образом казалось, будто они оставили зримый след в воздухе или, возможно, в ней самой: в ее душе скреблось какое-то тревожное чувство — может, любопытство, а может быть, плохое предчувствие. А если еще точнее, пронзительное ощущение душевной близости с этой девочкой.

Как социальный работник, она знала правило: нельзя чрезмерно увлекаться своими подопечными. Но бывали случаи, когда Алекс была не в силах совладать с собственными чувствами. И по какой-то неясной причине *это* и был как раз *тот самый случай*.

Алекс снова подумала о незнакомце и о словах Габи, что, мол, Алекс в любом мужчине видит педофила. Неправда. Вернее, крайне далеко от правды. С какой стати ей так считать, если большинство знакомых ей мужчин никогда бы не дали даже волоску упасть с головы ребенка? Однако знала Алекс и то, что внешность бывает обманчива. Самые гнусные преступники, с которыми ей доводилось иметь дело, жили отнюдь не на опасных городских окраинах и во всех прочих отношениях были в ладах с законом. Обаяние, ум и образованность нередко служили мерзким извращенцам искусной маской.

Родной отец Алекс не был таким монстром, и все-таки это был монстр.

— Тетя Лекс! Тетя Лекс! — хором закричали ее племянница и племянник, со всех ног бросившись Алекс на встречу.

Заливаясь веселым смехом, дети обняли ее за талию. Алекс обняла их в ответ и улыбнулась сестре — та, обвешанная сумками, шла за ними следом. Алекс знала: у Габи прекрасный муж и опасаться за своих пятилетних племянника и племянницу нет повода.

— Можно мы сегодня будем спать у тебя? — канючил Джексон. — Ну, пожалуйста...

— Джексон! — простонала Габи. — Прошу тебя, не начинай снова. Ты прекрасно знаешь, что сегодня вечером мы возвращаемся в Девон. Ты ведь хочешь к папе, не так ли?

— Хочу! — весело воскликнул сын и, в ликующем жесте вскинув в воздух кулак, унесся прочь, только его и видели.

— Тетя Лекс! — сказала Фиби и запрокинула голову, чтобы посмотреть на нее.

— Да, моя дорогая, — ответила Алекс, беря в ладони нежные, порозовевшие щечки племянницы.

— А кто это маленькая девочка, с которой ты говорила?

Алекс обернулась и посмотрела поверх пустого газона на поток машин.

— Не знаю, Фибс, она не назвала мне своего имени.

Глава 1

—Привет, котик, я дома!

Алекс никогда не видела сериал девяностых годов с таким названием, а также была слишком молода, чтобы позаимствовать эту фразу из пятидесятых. И все же она пропела ее, входя в дверь. Так обычно поступали ее родители, и это всегда вызывало у них смех или хотя бы улыбку.

На Джейсона эта невинная фраза обычно производила такой же эффект — но только не сегодняшним вечером, потому что, похоже, его дома не было. Если только в данный момент он не в саду, в очередной раз пытается соорудить новый сарай. Если это так, то ни на какую, даже самую хилую, улыбку в знак приветствия рассчитывать не приходится. По профессии Джейсон был строителем, однако его последняя попытка возвести сарай закончилась тем, что молоток бумерангом отлетел от стены дома, в то время как сам Джейсон возносил странную пятничную молитву рядом с компостной ямой.

С тех пор непокорные части сарая были убраны с глаз подальше и, как подозревала Алекс, были обречены оставаться в укромном месте до того момента, пока не будут готовы вести себя как им и положено: то есть легко и просто складываться в строение соответствующего назначения, как то было сказано на веб-сайте, на котором они были куплены.

Бросив у основания лестницы тяжелую сумку с документами и серую джинсовую куртку, Алекс быстро проверила по наручным часам время и, увидев, что уже

поздно, беззвучно простонала. На то, чтобы принять душ, переодеться и перекусить, прежде чем снова выйти из дома, у нее оставалось меньше часа. Хотя, если честно, после такого дня, как сегодняшний, она не отказалась бы проваляться весь вечер на диване перед телевизором или же на шезлонге во внутреннем дворике с бутылкой пусть даже недорогого вина.

С другой стороны, она была вся в предвкушении этого вечера — в таком сильном, что стоило ей подумать, что ждет ее сегодня, — и усталости как не бывало. Да что там! Ее пронизывали мощные волны энергии, отчего она была готова петь, плясать и даже — если бы ее попросили — сделать на лужайке колесо.

Эх, если бы по соседству по-прежнему жила Милли Кейс, старушка наверняка оценила бы это по достоинству. Увы, несколько недель назад Милли переселилась в дом престарелых — с таким Альцгеймером, как у нее, жить одной в доме попросту опасно.

Мысленно добавив в свой список неотложных дел пункт «проведать Милли», Алекс вошла в кухню. Никого. Правда, обе половинки дверей — верхняя и нижняя, — что вели во внутренний дворик, были открыты, а доносившийся из сада надрывный рев газонокосилки служил убедительным объяснением тому, почему Джейсон не услышал, как она вошла в дом.

Вдыхая пьянящий запах свежескошенной травы, Алекс уже было собралась шагнуть в сад и прокомментировать садоводческие подвиги Джейсона, когда зазвонил стоявший на комодe телефон.

Прижав подбородком трубку, Алекс открыла холодильник, чтобы вынуть оттуда вино.

— Алло, «Приход Малгров» слушает! — ответила она. Хотя дом давно уже не принадлежал церкви, он сохранил свое старое название, полученное, когда его купил ее отец. Дом стоял в стороне от остальных зданий (если не считать жилище Милли) в верхней части деревни, что де-

лало его одним из самых престижных особняков во всей округе.

Не то чтобы «Приход Малгров» был особенно велик или переделан на современный лад — в этом он никак не мог тягаться с большинством отреставрированных приходских домов по всей стране. Солидности ему придавали виды, что открывались из его окон, — на раскинувшиеся позади него поля, и на крыши деревенских домов, — с парадного крыльца.

Алекс никогда не забывала о том, что ей крупно повезло: жить после смерти родителей в таком доме! Впрочем, она знала, что недалек тот день, когда Габи захочет продать дом, и тогда... Что же тогда делать Алекс? Это с ее-то более чем скромным жалованьем. Впрочем, сейчас не об этом.

— Привет, Алекс, это ты? — раздался голос на том конце линии.

— Да, это я, — ответила она, мгновенно перевоплощаясь в свое вечернее «я», а именно основателя и одновременно режиссера и продюсера театра «Малгров Виллидж». Стоило ей снять очки и потряхнуть волосами, как Алекс Социальный Работник удивительным образом исчезала. Ну, или, по крайней мере, так ей хотелось думать.

На самом же деле проблемы никуда не исчезали, а лишь на какое-то время отступали на второй план, только затем, чтобы перевоплотиться в нечто в высшей степени мелодраматическое, что можно было мысленно пережевывать всю ночь напролет, когда Алекс не спалось.

— Как дела, Хейли? — бодрым голосом спросила она.

— Ты меня узнала! — радостно откликнулась та.

Алекс невольно улыбнулась. Хейли была скромняга. Писательница, причем самая талантливая из всех, с кем Алекс доводилось иметь дело. Не то чтобы она общалась со многими, но с несколькими — точно.

— Все в порядке? — спросила Алекс, до половины наполнив стакан холодным, только что из холодильника, «Шардонне». Похоже, на горизонте возникла мало-

приятная тучка. — Только не говори мне, что ты сегодня не можешь!

— Нет-нет, боже упаси, — поспешила заверить ее Хейли. — То есть вообще-то... Да. Буду. Я ведь тебя еще ни разу не подвела. Лишь хотела проверить, что правильно помню время. Семь тридцать, в зале деревенского клуба.

Подозревая, что на самом деле Хейли просто хочется потрепаться с кем-то, кто поймет ее волнение, Алекс как режиссер сочла своим долгом подбодрить автора:

— Я прекрасно знаю, что ты не опоздаешь. Более того, все будут в восторге, что ты придешь. Как же иначе?

— Ой, не надо так говорить! — запротестовала Хейли. — Я рада, что у нас все идет хорошо! Честно сказать, даже не мечтала, что когда-нибудь увижу одну из моих пьес на сцене.

— Как видишь, мечты сбываются, — изрекла Алекс, поморщившись от слетевшей с собственных губ банальности и вместе с тем в очередной раз восхитившись, как эта маленькая робкая Хейли Уэлш из соседней деревушки сумела написать столь искрометную комедию. Нет, конечно, были там и сомнительные места, кое-где автор явно хватила через край, но в целом текст был ужасно смешной. Уж если на репетициях сами актеры покатывались со смеху, то друзья и соседи, которые придут на спектакль, наверняка будут валяться между рядами.

— Извини, я, пожалуй, закруглюсь, — сказала Алекс, бросив взгляд на настенные часы. — Иначе боюсь опоздать. Увидимся в семь тридцать.

— Да, буду как штык, — заверила ее Хейли, в чем Алекс ничуть не сомневалась.

Не успела она нажать кнопку отбоя, как телефон зазвонил снова. Посмотрев на экран, кто звонит, она бодро ответила:

— Алло, «Приход Малгров». Александра Лейк слушает вас.

— Привет, дорогуша! — с усмешкой ответила тетя Шейла. — Я тебя ни от чего не отвлекла?

— Вообще-то, отвлекла, — честно призналась Алекс, заметив, что Джейсон отвечает по мобильнику на чей-то звонок. — Надеюсь, у тебя что-то срочное?

— Нет, просто решила сообщить тебе, что получила билеты.

— На премьеру? Вот это здорово! Значит, ты все-таки будешь?

— Во всяком случае, постараюсь. Ты ведь наверняка знаешь, как я тут занята: уже и забыла, когда в последний раз у меня был выходной. Не говоря о том, что я слишком стара для всего этого.

Впрочем, Алекс прекрасно знала — день, когда тетушка забросит свое любимое детище, свой лошадиный приют, станет последним днем ее жизни.

— Говорят, что семьдесят — это почти как пятьдесят, только второй раз, — сказала Алекс. — В любом случае, дорогая тетя, ты выглядишь на сорок, и ни днем больше. — Конечно, это было не так. Сестра ее приемной матери выглядела на свой возраст, если не старше, но небольшая «белая» ложь никому не повредит. — Кстати, ты не в курсе, Габи уже получила свои билеты?

— Габи еще не объявлялась сегодня. Но думаю, что да. Ой, погоди, не клади трубку. Наверное, это она. Сейчас я у нее узнаю.

В ожидании тетушкиного ответа Алекс сделала глоток вина, гордая тем, что ее совершенно не задевает тот факт, что тетушка и сестра общаются ежедневно. А ведь помнится, когда-то это ее ужасно злило и обижало. Она чувствовала себя обделенной вниманием и лишь в последнее время научилась преодолевать свои комплексы. Нет, те, разумеется, никуда не делись, затаились в темных закоулках сознания и даже вполне себе процветали, питаясь проблемами, с которыми их хозяйка ежедневно сталкивалась на своей основной работе.

По крайней мере, Алекс больше не впадала в истерику по поводу того, что ее любят меньше, чем Габи, как то обычно случалось, когда она была подростком. Мать